

Глава 4

С того самого момента, как У Шаоцянь лишился своих сил, он пребывал в глубоком беспомоществе. Все осмотры, споры лекарей и неутешительные вердикты прошли мимо него. Очнувшись, юноша обнаружил, что не только сменил место жительства, но и остался почти в полном одиночестве. У его постели дежурили лишь двое: управляющий Хэ Чжоу, чей взгляд был полон горького сострадания, и верный страж Сян Линь.

Хэ Чжоу, видевший, как Шаоцянь рос, всегда относился к нему с отеческой теплотой. Однако, будучи лишь слугой, не смеявшим преступать границы дозволенного, он мог лишь максимально мягко изложить суть дела: рассказать о плачевном состоянии его тела, о потере прежних привилегий... и о браке, который поспешно заключили его родители.

У Шаоцянь, не по годам развитый и закалённый годами странствий, даже сквозь пелену мучительной боли мгновенно осознал своё положение.

Разрушение сопутствующего сокровища означало окончательное падение. Все ресурсы, которые родители вливали в него, превратились в прах. Глава семьи и его супруга всегда ценили лишь талант, и, столкнувшись с таким разочарованием, они не медля отринули его. Впрочем, отец не мог позволить себе откровенной жестокости, а мать обязана была соблюдать приличия перед лицом клана. Брак с кем-то из семьи Чжун стал для них идеальным выходом: во-первых, Шаоцянь получал Плод Укрепления Души, дающий шанс на жизнь; во-вторых, он обзаводился кем-то, кто будет за ним присматривать. На этом их долг считался исполненным.

Это позволило им убить сразу нескольких зайцев.

Всего за один день У Шаоцянь низвергнулся с небес в дорожную пыль. Родители поступили с ним как с неудачной сделкой, и даже его непоколебимая воля едва выдержала этот удар.

Проведя несколько часов в тягостном оцепенении, он наконец сумел привести мысли в порядок.

Он хотел жить, а значит, Плод Укрепления Души был ему необходим. Но Шаоцяню претила сама мысль о том, чтобы тянуть за собой в бездну постороннего человека. Ему не хотелось связывать судьбу с незнакомой женщиной, а уж тем более — через силу вступать с ней в близость ради «слияния аур». Он решил для себя так: если невеста из семьи Чжун отдаст ему плод, он обеспечит ей спокойную жизнь на несколько лет, а затем найдёт способ расторгнуть брак и отпустит её, чтобы она могла найти себе достойную пару.

Но У Шаоцянь и в самом страшном сне не мог представить, что его «невестой» окажется лучший друг.

Как и для Чжун Цая статус друга не имел значения, так и Шаоцянь дорожил их общением вовсе не из-за титулов. Его ничуть не заботило, что Цай обладал Низшим рангом способностей. С кем бы Шаоцянь ни заводил дружбу, талантами те всё равно не могли с ним сравниться, да и жили они по меркам практиков недолго. Какая разница — умрёт человек рано или чуть позже? В конце концов, ему всё равно суждено было лишь хранить о них светлую память.

Особенно на фоне тех «приятелей», что искали в общении с ним лишь выгоду, Чжун Цай был для него глотком чистого воздуха. Тот узнал, кто такой У Шаоцянь, ещё в одиннадцать лет, но с тех пор ни на йоту не изменил своего отношения.

В те горькие часы, когда Шаоцянь терзался мыслями о будущем и предательстве родителей, он невольно вспоминал об А-Цае. Сердцем он верил, что друг не отвернётся от него, но холодный рассудок всё же сеял зерна сомнения.

Однако, какими бы смелыми ни были фантазии Шаоцяня, он и помыслить не мог, что Чжун Цай выберет такой способ поддержки. В один миг вся его меланхолия и отчаяние испарились, сметённые безумной выходкой друга.

Это было просто невыносимо!

Отпустив свою двусмысленную шутку, Чжун Цай принялся внимательно изучать состояние старого приятеля.

У Шаоцянь всегда был чертовски хорош собой. Природа взяла всё лучшее от его родителей, довела до совершенства и воплотила в его лице. Будучи по натуре воином, привыкшим к схваткам со свирепыми зверями, он даже в юном возрасте обладал властной и пронзительной аурой. Холодная гордость в его взгляде заставляла окружающих забыть о годах юноши и видеть в нём опытного мастера.

Сейчас же Шаоцянь пугающе осунулся. Его лицо было бледным, как полотно, губы высохли и потрескались, а во всём облике сквозило изнеможение. Впрочем, после шока, устроенного Цаем, на его щеках проступил слабый румянец, а черты лица немного разгладились, возвращая ему толику жизни.

Чжун Цай никогда раньше не видел друга в таком замешательстве. Радостно ухмыляясь, он помахал рукой перед застывшим лицом Шаоцяня, а не дождавшись реакции, просто схватил его за локоть и усадил на свадебное ложе.

— Старина У, кончай косплеить статую. Живо ешь это, — скомандовал Чжун Цай, заталкивая Плод Укрепления Души прямо в рот Шаоцяню. — У нас ещё куча дел, нельзя терять ни минуты!

Шаоцянь машинально сделал пару глотков. Плод мгновенно превратился в поток живительного тепла, который растёкся по его телу и чудесной силой хлынул к самому истоку души. Эта энергия, подобно мириадам тончайших шёлковых нитей, окутала его три души хунь и семь душ по, которые уже готовы были рассыпаться прахом. Нити бережно стянули их, удерживая на самом краю бездны.

Если бы кто-то мог заглянуть в его духовное море, он бы увидел, как под воздействием этой силы частицы души начали медленно, почти незаметно срастаться воедино.

Обычно душа совершенствующегося не распадается так легко, даже после тяжёлых ранений. Однако чем выше ранг сопровождающего сокровища, тем сокрушительнее удар по хозяину в случае его разрушения. Лук, Стреляющий в Солнце У Шаоцяня был сокровищем Небесного ранга, лишь на шаг отстоящим от Бессмертного ранга. Если бы не юный возраст Шаоцяня и то, что лук ещё не прошёл обряд Освящения и не мог проявить свою полную мощь, он бы и вовсе был нерушим. Можно лишь представить, какой силы был духовный откат.

К тому же три души связаны неразрывно. Хотя удар был страшен, в обычном случае он вызвал бы лишь сильное потрясение и частичные повреждения, но не привёл бы к неминуемой смерти. Беда была в том, что Шаоцянь как раз совершил прорыв в Сферу Освящения. На этой первой ступени «душа жизни» должна была постепенно начать слияние с «небесной душой»... В такой хрупкий момент любая встряска фатальна, а прямой удар не просто прошёл их насквозь, но и разорвал саму связь между духом и плотью.

Лишь благодаря крепкому фундаменту и невероятной стойкости Шаоцянь всё ещё балансировал на грани. Шанс на спасение ещё оставался.

Чжун Цай знал друга как облупленного. Едва заметно изменившееся выражение лица Шаоцяня подсказало ему: боль начала отступать. Плод сработал. Не теряя времени на пустую болтовню, Цай — прямо как тот сидел — толкнул Шаоцяня на кровать.

Действуя одновременно обеими руками, он одной рванул свой пояс, а другой принялся растёбивать одежду на Шаоцяне.

У Шаоцянь остолбенел. Его голос от ужаса сорвался на фальцет:

— А-Цай, ты что творишь—

Но Чжун Цай был стремителен. Не успел Шаоцянь и глазом моргнуть, как оба они оказались «лицом к лицу», избавленные от лишних покровов.

Лишённый сил Шаоцянь густо покраснел. Превозмогая стыд и слабость, он попытался упереться рукой в грудь Чжун Цая, чтобы остановить это безумие.

Впрочем, от этого жеста ему стало ещё неловче. Сама поза была... неопишуемой.

— Старина У, выбора нет. Терпи, — перехватив его руку, Чжун Цай тяжело вздохнул и произнёс с самым серьёзным видом: — Жизнь дороже гордости.

Заметив сомнения в глазах друга, он великодушно добавил:

— Да не дёргайся ты, я не собираюсь тебя мучить. Я сам всё сделаю. Пусть я и не такой красавчик, как ты, но я постараюсь тебя соблазнить. Ты парень в самом соку, так что уверен — природа возьмёт своё.

У Шаоцяня нервно дёрнулся уголок рта. Сколько лет они были знакомы, а Чжун Цай всё равно ухитрялся вводить его в ступор своей непосредственностью.

Да разве в красоте было дело?!

— А-Цай, — выдохнул он, едва находя силы говорить, — плода уже достаточно. Даже если бы на твоём месте была та девушка, я бы и пальцем её не тронул. Но ты... ты мой самый близкий друг. Ты и так пошёл на огромную жертву, выйдя за меня. Не нужно этих излишеств. Если мы действительно это сделаем, как ты потом в глаза своей будущей жене смотреть будешь? Какая девушка захочет пойти за мужчину, который делил ложе с другим...

Чжун Цай просто зажал ему рот ладонью, решительно пресекая все возражения.

— Заткнись и не мешай. Если мы не переспим, на кой чёрт я вообще сюда припёрся? Я ведь мог просто подождать, пока на тебе женится какая-нибудь кузина, а потом под благовидным предлогом подсунуть тебе свой плод для гарантии. Но разве я могу им доверять? Ты же знаешь, что это за мегеры. Они на словах пообещают золотые горы, а сами в самый ответственный момент запаникуют или сделают какую-нибудь глупость — и поминай как звали! Твоя жизнь на волоске висела!

Голос Чжун Цая дрогнул от волнения.

— Я здесь для того, чтобы дать тебе этот чёртов шанс. Мы должны прожить вместе ещё как минимум сотню лет, и я не собираюсь хоронить тебя раньше времени! А о женитьбе забудь. Пока не встретишь ту самую, единственную и надёжную, я тебя ни к какой девчонке не подпущу. Округлить сейчас какую-нибудь бедняжку — значит просто обмануть её.

Чжун Цай решительно уселся верхом на бёдра Шаоцяня и добавил наставительно:

— И не бойся. В твоём нынешнем состоянии ты вряд ли долго продержишься, так что закончим быстро. — Он неопределённо помахал рукой в воздухе, демонстрируя редкую щедрость. — Не напрягайся, я сам буду двигаться!

Лицо У Шаоцяня сменило несколько оттенков — от глубокого смущения до мрачной решимости. Наконец он медленно выдохнул, и на его губах заиграла странная, почти хищная улыбка, обнажившая ровные белые зубы.

— Твоё рвение похвально, А-Цай, и было бы с моей стороны преступно его игнорировать. Но своим телом я предпочитаю распоряжаться сам, — процедил он, хотя голос его звучал вкрадчиво и нежно. — Просто иногда помогай мне, если моих сил не хватит.

Чжун Цай немного подумал и кивнул — такой вариант его вполне устраивал. Но напоследок он всё же строго предупредил:

— Смотри мне, я тебе доверяю. Не вздумай сбежать, твоё здоровье превыше всего.

— Хорошо, — коротко ответил Шаоцянь.

Чжун Цай отстранился, освобождая место, и просто развалился на кровати, раскинув руки в стороны — мол, я готов, приступай.

В голове У Шаоцяня бушевал хаос. Минуту назад он был в ярости, но его рассудительная натура быстро взяла верх. Он не хотел действовать на поводу у эмоций, лишь бы не навредить Цаю...

— Ну же, скорее! — нетерпеливо прикрикнул Чжун Цай, дёргая его за руку. — Ты что, решил дать дёру?!

У Шаоцянь глубоко вздохнул и с бесстрастным лицом навис над другом.

«Лучше не думать слишком много... — решил он. — Ну почему у моего самого верного друга такой длинный язык?»

— Давай, старина У, не стесняйся. Я парень крепкий, меня так просто не сломаешь!

— ...Договорились.

— С-с-с... а это всё-таки больновато, а?

— Мне замедлиться?

— Нет-нет! Ты и так слаб, давай покончим с этим поскорее... ох!

Через восемь часов ночь окончательно вступила в свои права.

Измотанный Чжун Цай уснул, уютно пристроившись под боком у друга. Шаоцянь долго смотрел на его раскрасневшееся во сне лицо, а затем осторожно убрал со лба влажную от пота прядь волос.

Слияние аур действительно принесло плоды. Нити, удерживающие его душу, стали намного крепче и толще, а процесс сращивания ускорился. Пусть раны ещё не затянулись, но смертельная опасность миновала. С каждым мгновением этой близости слабость и изнуряющая боль в душе отступали, и к Шаоцяню начали возвращаться силы.

Спящий Чжун Цай что-то невнятно пробормотал и прижался крепче, погружаясь в ещё более глубокий сон.

— Не стоит так... перетруждаться... — прошептал Шаоцянь, убирая ещё одну непослушную прядь за ухо друга.

В этот момент в его душе что-то окончательно изменилось.

Вся та тьма и горечь, что давили на него после падения, словно неподъёмная гора, внезапно рассеялись. Тяжесть, мешавшая дышать, ушла. Мрачный, полный безнадёги взгляд, который до этого был затуманен болью, в процессе их близости постепенно очистился, вновь обретая прежний блеск.

Пусть это сияние больше не было ослепительным пламенем гения, теперь в нём горел тихий, но ровный и незаблемый свет.

Даже потеряв почти всё, он обрёл нечто большее: Чжун Цай отринул всё ради него, пришёл в его дом и был готов на невозможное ради его спасения. О чём ему теперь сокрушаться? Те, кто был рядом ради выгоды, ушли вместе с ней — такова природа вещей, и не стоило тратить на них ни грамма своих чувств. Это было бы просто глупо.

Более того, его развитие всё ещё оставалось на пике Сферы Небесного Притяжения. Пусть путь вперёд был закрыт, он не превратился в бесполезный мусор. Его знания и опыт никуда не делись, и он найдёт способ помочь Чжун Цаю возвыситься.

Если Цай сможет совершить прорыв, Шаоцянь сможет уйти из этого мира со спокойной душой. А если нет... что ж, они проживут вместе сотню лет, оберегая друг друга. Пусть это не вечность, но для обычного человека — целая жизнь. Они будут так же счастливы, как в те времена, когда тайно сбегали на праздники... Разве этого мало?

У Шаоцянь слабо улынулся, крепче обнял Чжун Цая за талию и тоже провалился в глубокий, целительный сон.

<http://bllate.org/book/15860/1432174>